

«ДЯДЯ ДЖО»: ОБРАЗЫ СТАЛИНА В ПЕРИОД НАИВЫСШЕГО РАЗВИТИЯ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ *

■
Чарлз С. Александер

(Ун-т Огайо)

Осенью 1939 г., когда либеральные и радикальные круги, не связанные с коммунистами, пытались в обстановке смятения, вызванного заключением германо-советского пакта, началом войны в Европе и развалом Народного фронта, нащупать смысл и направление происходивших событий, удалившийся от дел либеральный издатель Освальд Гаррисон Виллард выразил то, что, вне всякого сомнения, было господствующей в Америке точкой зрения: диктатура Сталина не только была столь же кровавой, сколь режимы Гитлера и Муссолини, но и «столь же нечестной, предательской и преступной».

Спустя три месяца, выступая перед недружелюбной аудиторией Конгресса американской молодежи, находившегося под сильным влиянием коммунистов, президент Франклин Д. Рузвельт назвал режим Сталина «диктатурой, столь же абсолютной, сколь и любая другая диктатура, существующая в этом мире». Это правительство, продолжал Рузвельт, не только стало союзником нацистской Германии, но и организовало вторжение в «такую либеральную и передовую страну, как Финляндия, в соседнее государство, представлявшее собой столь бесконечно малую величину, что невероятно, чтобы она смогла причинить Советскому Союзу какой-либо вред...» В то же самое время на обложке влиятельного еженедельника «Тайм» появился портрет подтянутого, зловеще выглядевшего Сталина, которого за соглашение с нацистской Германией «Тайм» назвал «Человеком года». Сталин, провозглашал «Тайм», «сравнился с Адольфом Гитлером, также став человеком, которого в мире ненавидели больше, нежели любого другого»¹.

К концу 1943 г. — периоду наивысшего развития антигитлеровской коалиции, отмеченному отблесками решений Тегеранской конференции, — Виллард так и не изменил своих представлений с

* Доклад, подготовленный профессором Александером для III советско-американского colloquium по проблемам сотрудничества СССР и США в годы второй мировой войны. Москва, 18–20 октября 1988 г.

¹ Цит. по: O'Neill W. L. A Better World: The Great Schism: Stalinism and the American Intellectuals. N. Y., 1982. P. 17; Рузвельт цит. по кн.: Sherwood R. E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. N. Y., 1948. P. 138; Time. 1940. Jan. 1. P. 15.

природе советской системы и руководства. Но если подлинное, глубоко скрытое от посторонних отношений Рузвельта ко всем этим вещам (как, впрочем, и к большинству других) можно лишь попытаться угадать, то в публичных высказываниях ему, конечно, пришлось отзываться о союзнике Соединенных Штатов и о Сталине, с которым он только что впервые встретился лицом к лицу, совершенно иначе. И что особенно важно для данной статьи: для многих близких к Рузвельту людей, для большей части американских еженедельных и периодических изданий, для кинематографа и, возможно, для большинства американцев² Сталин больше не был ничинным международным заговорщиком и кровавым диктатором — он превратился в неукротимого, необычайно мудрого и благожелательного вождя советского народа. В период доверия и доброй воли, который пришелся на середину войны, он стал «Дядей Джо».

Итак, данная статья будет попыткой описания — или, скорее, иллюстрацией на основе нескольких примеров — того, как с момента нападения Германии на СССР и до Тегеранской конференции, а затем в течение года после первой встречи «Большой тройки» образ Сталина трансформировался в средствах массовой информации США.

Где появилось это прозвище — «Дядя Джо» — и кто его впервые употребил, неизвестно, и мы вряд ли когда-либо об этом узнаем. В переписке между Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем самое раннее указание на то, что эти два руководителя пользовались этим фамильярным обозначением в своих частных беседах, относится к 16 июля 1943 г., когда Черчилль упомянул о «Д. Дж.»³. С этого дня Черчилль и Рузвельт в своей огромной переписке часто упоминали о «Д. Дж.» или «Дяде Джо».

Впечатление «Дядя Джо» было впервые употреблено, насколько мне известно, Маргарет Борк-Уайт в книге «Фотографируя русскую войну», вышедшей весной 1942 г. Командированная еженедельником «Лайф», Борк-Уайт стала первым американским фотокорреспондентом, добравшимся до Москвы в период, последовавший за немецким вторжением в Россию. Борк-Уайт сумела получить возможность сфотографировать Сталина с помощью Гарри Гопкинса, посланного Рузвельтом в Москву с тем, чтобы предложить русским помощь по ленд-лизу. «Веди себя с дядей Джо точно так же, как ты вела бы себя с любым другим человеком», — сказала себе Борк-Уайт, когда ее проводили в комнату, где только что закончилось совещание Сталина с Гопкинсом.

² Я пишу, что большинство американцев «возможно» рассматривало Сталина таким образом, так как установить точное соотношение между тем, что люди думают на самом деле, и тем, как их мнение передается средствами массовой информации, едва ли можно.

³ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence: Vol. 1-3/Ed. by W. F. Kimball. Princeton (N. J.), 1984. Vol. 2. P. 328.

В то роковое время, когда советские армии были отброшены и частично окружены соединениями вермахта, Сталин произвел на Борк-Уайт впечатление человека, «который, будучи недавно тучным, теперь сильно похудел. Его взгляд был серым и усталым, просто измученным». Лицо, покрытое оспинами, «было настолько напряженным, что казалось высеченным из камня». Тем не менее, как только Борк-Уайт растянулась на ковре, чтобы сделать снимок в своей знаменитой манере «взгляд червя», Сталин неожиданно улыбнулся. «Это казалось чудом, — вспоминала Борк-Уайт, — возникало ощущение того, что перед вами очутился совсем другой человек — веселый, сердечный и добрый». Однако, когда камера Борк-Уайт щелкнула, эта улыбка уже исчезла, и к тому времени, когда съемка закончилась, «он опять выглядел так, будто был сделан из камня». Борк-Уайт ушла, убежденная в том, что лицо Сталина «было самым странным и решительным из всех лиц, которые я когда-либо видела»⁴.

Впечатления, переданные Борк-Уайт, стали основой для создания в годы войны положительных образов Сталина. Когда в конце марта 1943 г. вышел в свет знаменитый номер «Лайфа», целиком посвященный Советскому Союзу, на его обложке был помещен один из тех снимков, которые были сделаны Борк-Уайт во время ее встречи со Сталиным в 1941 г. И хотя на этой фотографии Сталин не улыбался, выражение его лица было все же добрым и приятным.

К этому времени приукрашенное изображение Сталина в посвященных ему статьях и снимках становилось для американского читателя все более и более привычным. Изменился тон «Тайма» — второго по значению после «Лайфа» журнала из могущественной триады*, издававшейся Генри Р. Люсом, быстро перешедшего от исполненных сарказма репортажей о царившей в СССР атмосфере шока и смятения к более сочувственным вначале, а затем и просто проникнутым энтузиазмом статьям о Сталине и мобилизации всех сил СССР для обороны страны. «Это жесткий человек, вполне заслуживший свое стальное имя, — провозгласил „Тайм“ в сентябре 1941 г. — И он ощущает это в себе. И если кто-либо и был в состоянии выжить в условиях тех великих исторических испытаний, в которых он очутился сейчас, то он смог». В начале 1943 г. «Тайм» вновь поместил на обложке портрет Сталина, выбранного журналом «Человеком года».

На сей раз, когда гигантская битва под Сталинградом была уже практически завершена, это был портрет непоколебимого, почти красивого Сталина, проступавший над одетыми в белые

⁴ Bourke-White M. Shooting the Russian War. N. Y., 1942. P. 213–217.

* В этот период корпорацией Генри Люса издавалось три журнала: иллюстрированный еженедельник «Лайф», рассчитанный на массового читателя, еженедельник «Тайм», постоянно публиковавший высокопрофессиональные аналитические статьи и обзоры, посвященные внешней политике, ходу военных действий, внутри- и внешнеэкономическим проблемам, и выходивший ежемесячно «Форчун», ориентированный на деловые круги Соединенных Штатов. (Примеч. переводчика.)

маскировочные комбинезоны солдатами Красной Армии, бегущими сквозь метель в атаку. В течение прошедшего года, сообщил «Тайм», Сталин «отбросил свою недоступность» и предстал перед посетившей Москву вереницей иностранных знаменитостей в качестве «приятного хозяина и человека, прекрасно использующего свои козырные карты в международной политике... Манера пить водку и вести переговоры у Сталина одна и та же — искренняя и прямая»⁵.

«Скромность, естественность и контролируемая сила характера» Сталина произвели впечатление и на Ричарда Паркера, командированного в Москву газетой «Нью-Йорк таймс». Настроение Сталина легко изменялось: серьезность уступала место «беззаботной общительности». Он обладал «прекрасно тренированным умом» и богатым воображением. Паркер распространил среди американских читателей широко циркулировавшие в СССР истории о том, как личные предложения Сталина улучшили конструкцию штурмовика и помогли сэкономить средства при строительстве современной системы водоснабжения Москвы. «Результаты работы его ума» можно видеть повсюду, писал Паркер. И несмотря на то что его планы и проекты свободно обсуждались общественностью, как об этом говорили Паркеру, журналисту ни разу не удалось услышать, чтобы кто-либо из советских граждан критиковал руководящие указания Сталина»⁶.

Американцам необходимо понять, писал Паркер, что почти всю свою жизнь Сталин был революционером и борцом. Он сражался с «врагами народа внутри страны и фашистами за ее пределами», утверждал национальную идею среди многочисленных народов СССР, перестроил структуру Красной Армии и систему образования, добился тесной связи со своим народом. Он постоянно вел борьбу за реализацию идеи нового типа государства — такого государства, «в котором все граждане располагают экономическими, политическими и культурными правами и свободами и в котором никаким частным интересам не позволено препятствовать развитию природных богатств для всеобщего благополучия». Именно поэтому повсюду в СССР его славят «в хорах, одах и детских песенках как Отца и Вождя»⁷.

Когда Уэнделл Уиллки, номинальный лидер республиканской партии и личный эмиссар президента Рузвельта, совершавший в конце лета — начале осени 1942 г. свою кругосветную поездку, встретился со Сталиным, он нашел его «отчаянно уставшим». И тем не менее Сталин произвел на Уиллки большое впечатление «сильным, цепким и упорным умом». Каждый из заданных им вопросов — когда СССР может ожидать увеличения поставок американского оборудования и топлива, когда можно ожидать открытия второго фронта — был «нацелен, как револьвер». Но в то же время, хотя он и игнорировал комплименты, не желал тра-

⁵ Time. 1941. Sept. 22. P. 18; 1943. Jan. 4. P. 23.

⁶ New York Times. 1942. Aug. 23. P. 7, 28.

⁷ Ibid. P. 7; July 4. P. 15.

тить время на утверждения общего характера и говорил о войне с мрачным реализмом, в его манере общения была и некоторая теплота. Когда Уиллки спросил, будет ли удобно поднять тост за переводчиков, Сталин ответил: «Ну, конечно, м-р Уиллки, мы живем в демократической стране!» После еще нескольких тостов он сказал Уиллки: «Вы знаете, что я рос, как любой другой грузинский крестьянин. Я не приучен к приятным беседам. Все, что я могу вам сказать — это то, что вы мне очень нравитесь». «Сталин — очень жесткий человек, возможно, даже жестокий, но очень способный человек», — сделал вывод Уиллки⁸.

Как и многие другие политические деятели периода антигитлеровской коалиции, комментировавшие политику СССР, Уиллки принял советскую официальную версию событий, предшествовавших войне. Как могут американцы осуждать соглашение Сталина с Гитлером, задавал он вопрос, когда на протяжении 1937—1940 гг. Соединенные Штаты продали Японии 7 млн т высококачественного металлолома? В статье, помещенной вскоре после немецкого вторжения в Россию в откровенно нейтральном ежемесячном журнале «Каррент хистори», Кеннет Дэйвис также защищал политику Сталина в период 1939—1941 гг. как политику, направленную на укрепление границ, выигрыш времени для подготовки к неизбежному нападению немцев, на обеспечение нейтралитета Японии. «Вполне возможно, — отметил Дэйвис, — что, когда история этого великого мирового кризиса будет наконец написана, Сталин предстанет в ней тем самым человеком, который путем самых блестящих стратегических решений из всех тех, что когда-либо были приняты национальными лидерами, спас цивилизованный мир, несмотря на сопротивление, которое этот мир ему оказывал...»⁹

Победа под Сталинградом, повсеместно признанная в качестве поворотного пункта в войне союзников с Германией, привела к тому, что восторгаться доблестью советских войск начали практически все, даже отличавшаяся воинственным антисоветизмом «Чикаго трибюн». С ростом авторитета Красной Армии росло и уважение к Сталину. Дэйвид И. Лилиентал, глава Администрации долины Теннесси, смотрел прекрасный советский документальный фильм «Москва наносит контрудар»* в Вашингтоне вместе с многочисленными правительственными служащими и деловыми людьми, связанными с осуществлением поставок в СССР в рамках программы ленд-лиза. Появление на экране Сталина вызвало продолжительные аплодисменты. Лилиентал был поражен, увидев, как руководители крупнейших корпораций «хлопали в ладоши... доброму старому Джо...»¹⁰.

⁸ *Willkie W. L. One World. N. Y., 1943. P. 81–84.*

⁹ *Davis K. Have We Been Wrong About Stalin? // Current History. 1941. Sept. P. 6–11.*

* В СССР демонстрировался под названием «Разгром фашистов под Москвой». (Примеч. переводчика.)

¹⁰ *Levering R. B. American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill (N. C.), 1976. P. 124.*

Через несколько месяцев после этого примечательного события, весной 1943 г., студия «Уорнер Бразерс» в Голливуде выпустила на экраны «Миссию в Москву» — давно ожидаемую киноверсию дневников Джозефа И. Дэвиса, американского посла, аккредитованного при Кремле с начала 1937 г. по июнь следующего, 1938 г. Книга Дэвиса, вышедшая в свет в конце 1941 г. и распроданная в количестве многих сотен тысяч экземпляров, сама по себе стала одной из главных причин того, что образ Сталина в глазах американцев быстро изменился к лучшему.

Дэвис встречался с советским руководителем лишь однажды, незадолго до окончания своей миссии, когда сам Сталин неожиданно пришел на квартиру Молотова в Кремле в то время, когда там Молотов беседовал с послом Дэвиса, как практически и всех тех, кто встретился со Сталиным в первый раз, поразили малый рост и тщедушное сложение Сталина. «Он ведет себя добродушно, — записал в дневнике Дэвис, — простота его манер граничит с самоуничижением; отчетливо бросаются в глаза сдержанная сила и спокойствие, присущие его личности»¹¹.

В то самое время, когда Сталин поражал воображение Дэвиса своей добродушной и самоуничижительной манерой поведения, им проводились кровавые чистки Коммунистической партии и советского военного руководства. И хотя в конце концов Дэвис и проявил желание поверить в ошеломляющие признания о подрывной деятельности, шпионаже и государственной измене, с которыми выступили давние товарищи Сталина, он, по крайней мере, относился к процессам периода чистки с должным вниманием и скепсисом. Эти особенности отношения посла к процессам в киноверсии «Уорнер Бразерс» были опущены.

Фильм «Миссия в Москву», идея создания которого была, как полагали многие, предложена Джеку У. Уорнеру самим президентом Рузвельтом и который стоил своим создателям 2 млн долл. (огромная сумма по тем временам), вызвал массу критических замечаний и споров и стал тем не менее крупной неудачей с финансовой точки зрения. Если он и не был «первой советской продукцией, произведенной на американской студии» (как его называл писавший для журнала «Нэйшн» язвительный критик Джеймс Эйджи), то явно стал, как было отмечено в «Нью-Йорк таймс» Бозли Краутером, «наиболее откровенно сделанным фильмом на политическую тему, когда-либо выпущенным в американском кино». Соединив в одной короткой сцене суда все четыре московских процесса и характеризуя обвиняемых как «троцкистских заговорщиков», фильм также пригвоздил к позорному столбу предвоенные правительства Великобритании, Франции и Польши, высмеял так называемых «изоляционистов» в конгрессе США и дал рациональное объяснение нацистско-советскому пакту.

¹¹ Davies J. E. Mission to Moscow. N. Y., 1941. P. 343.

Фильм «Миссия в Москву» начинался вступительным заявлением, с которым к зрителям обращался сам Дэвис, и был единственной сделанной в Голливуде картиной, одним из главных героев которой являлся Сталин. В фильме Дэвис (роль которого исполнил известный актер Уолтер Хастон) по некоторым причинам в момент, когда неожиданно появляется Сталин, ведет беседу с Калининным, который, по-видимому, заменил Молотова из-за своего облика доброго дедушки. (В роли Калинина выступил Владимир Соколов.) Сталин (роль которого сыграл малоизвестный голливудский актер Мэнэрт Киппен) выглядит в фильме добродушным человеком, скромно одетым и скромно себя ведущим. Он негромко, но убедительно и с даром предвидения говорит Дэвису о надеждах и опасениях Советского правительства в связи с положением в мире, делая паузы и попыхивая трубкой.

«Миссия в Москву» стала карикатурой на книгу Дэвиса, карикатурой упрощенной и зачастую просто глупой, что и было отмечено большинством обозревателей. Джон Дьюи и Сьюзенн Лафоллетт детально разобрали ее с точки зрения исторической правды в большой статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс». Джеймс Эйджи назвал фильм «огромной миской консервированного борща стоимостью в два миллиона долларов». Главными открытиями, сделанными в фильме, отметил с сарказмом Мэнни Фарбер — критик из еженедельника «Нью Рипаблик», — было то, что советские женщины пользовались косметикой, а советские мужчины получали дополнительную плату за сверхурочную работу. Нацистские пропагандистские фильмы, писал резко настроенный против Сталина Юджин Лайонз, по крайней мере логичны, так как преследуют корыстные цели. Но какой смысл американцам заниматься «циничной фальсификацией в пользу чужестранной диктатуры и чужого образа жизни?» С точки зрения Лайонза, американцам было бы куда уместнее отречься от «сентиментального притворства»¹².

«Совсем недавно, — отмечал Мэнни Фарбер, — мы наблюдали травлю красных, а теперь видим их восхваление, определяемое той же самой причиной — полнейшим их незнанием». Было тому причиной незнание или что-то другое, однако кампания по «облагораживанию» образа СССР и его руководителя усиливалась в течение всего 1943 г., особенно на протяжении месяцев и недель, предшествовавших конференции министров иностранных дел в Москве и Тегеранской конференции. «Вашингтон пост», напичканный с удовольствием сообщала читателям об избрании митрополита Сергия патриархом Русской Православной церкви, «при Положении Русской церкви, полагала «Вашингтон пост», становилось «более престижным и независимым, нежели оно было при

¹² New York Times. 1943. May 9. P. IV-8; Nation. 1943. May 22. P. 749; New Republic. 1943. May 5. P. 636; Lyons E. The Progress of Stalin Worship // American Mercury. 1943. June. P. 696-697.

царях династии Романовых». Пол Шуберт, регулярно писавший для этой газеты обзоры международной политики, прославлял Сталина за то, что он объединил страну во время нападения на нее, как это ранее сделал с народом Великобритании Черчилль. «На протяжении этих лет,— отмечал Шуберт,— мы постепенно стали все больше и больше, пусть и неохотно зачастую, уважать «Дядю Джо». Он башковит, тверд, грубоват и непоколебим... И он твердо стоит на земле»¹³.

Экономическая система, существовавшая при Сталине, уже больше не была коммунизмом, а превратилась в «контролируемый капитализм», настаивала газета «Атланта конститюшин». А если при этом учесть степень вмешательства правительства в американскую экономику, то «можно ли говорить о том, что наша собственная система — это не контролируемый капитализм, а нечто другое? Степень контроля, возможно, и отличается, однако основополагающие условия одни и те же». Журнал «Бизнес уик» не был готов пойти столь далеко, но непосредственно перед Тегеранской конференцией его редакторы полагали, что у Сталина есть все основания оказывать давление на Рузвельта и Черчилля с тем, чтобы побудить их открыть второй фронт раньше, нежели это планировали. В великой и азартной игре международной политики, отмечалось в журнале, «инициатива принадлежала Сталину человеку из России, а Рузвельт и Черчилль должны были открывать свои карты в ходе решения дипломатических и военных вопросов»¹⁴.

Немногочисленные представители средств массовой информации, которым удалось попасть в Тегеран, были, естественно, очарованы Сталиным, увидеть которого вблизи доводилось доселе лишь сравнительно небольшому числу американцев и англичан. Одетый в мундир с маршальскими погонами Сталин вновь поразила большую часть впервые увидевших его людей своим маленьким ростом. В его волосах «седины было гораздо больше, нежели можно было представить по его фотографиям», выглядел он «очень мягким и спокойным человеком и очень походил на стоика», — сообщал капитан Чарлз У. Роумин, офицер штаба командования по перевозке войск 12-й воздушной армии США, ответственный за связь с прессой. Энн О'Хэар Маккормик, корреспондент журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин», отметила: у Сталина «квадратное, покрытое оспинами лицо типичного грузина... его глаза, глубоко посаженные под густыми седеющими бровями, смотрят холодно и внимательно. Он не пропускает ни единого жеста, ни выражения, когда сидит спокойно, покуривая трубку, производя на окружающих впечатление спокойной силы — впечатление, подчеркиваемое эпизодическими медленными и гибкими движениями, похожими на движения пантеры». Сталин, взвол-

¹³ New Republic, 1943, May 5, P. 636; Washington Post, 1943, Sept. 9, P. 16; Sept. 27, P. 14.

¹⁴ Atlanta Constitution, 1943, Dec. 1, P. 6; Business Week, 1943, Dec. 20, P. 15-16.

нованно писала Маккормик, «сын сапожника и заговорщик, грабивший банки и создававший подполье в то время, когда Ленин и другие, находясь в изгнании, писали о революции, стал первым руководителем партизан, пришедшим к власти». Судя по впечатлению корреспондента газеты «Чикаго сан» Эдварда Энгли, в конце конференции «г-н Сталин был, похоже, доволен своими союзниками»¹⁵.

А вот были ли довольны Сталиным его союзники и могли ли они на законных основаниях возражать против чего-либо из того, что делал Советский Союз, после Тегеранской конференции представлялось не слишком важным. Та война, которую многие называли «войной народов», ко времени Тегеранской конференции, провозглашенной Уэнделлом Уиллки «победой народов», достигла наивысшей точки. Одним из результатов Тегерана, как сказал Уиллки, стало то, что «Сталин привлек к себе всеобщее внимание, превратившись в самого могущественного государственного деятеля в международной политике». Различные опросы общественного мнения показывали, что более 50% американцев были склонны доверять намерениям СССР и лишь 27% все еще выражали откровенное недоверие¹⁶.

Конечно, жизнерадостные настроения, возникшие после Тегеранской конференции, разделяли не все. Наиболее откровенным и упорным скептиком среди радикалов, настроенных против Сталина, был Дуайт Макдонэлд, настойчиво повторявший немногочисленным читателям своего ежемесячного журнала «Политикс», что то обстоятельство, что Сталин является союзником, не означает его превращения в менее зловещую фигуру. Макс Истмэн, придерживавшийся ранее радикальных взглядов, напоминал огромной читательской аудитории ежемесячника «Ридерс дайджест» о том, что Сталин по-прежнему являлся абсолютным диктатором, по-прежнему был тем самым человеком, который в ходе Большой Чистки приказал казнить или бросить в тюрьмы по крайней мере 300 тыс. человек.

В то же самое время статьи Истмэна были проникнуты восхищением героизмом советского народа. Советскому Союзу следовало оказывать всю ту военную помощь, какая только была возможна, писал Истмэн. Однако его раздражало распространенное в тот период среди американцев настроение, которое он суммировал фразой: «Не произносите ни слова против Сталина, а то он не примет наши танки». Истмэн назвал «откровенной чушью» выдвигающийся вице-президентом Уоллесом и многими другими тезис, заключавшийся в том, что, хотя СССР как политическая система менее демократичен, нежели Соединенные Штаты, совет-

¹⁵ Newsweek, 1943. Dec. 20. P. 40; McCormick A. O'Hare. Three Men Destiny // New York Times Magazine, 1943. Dec. 21. P. 5, 45; Atlanta Constitution, 1943. Dec. 7. P. 1.

¹⁶ Willkie W. L. Don't Stir Distrust of Russia // New York Times Magazine, 1944. Jan. 1. P. 3-4; Walsh W. B. What the American People Think of Russia // Public Opinion Quarterly, 1944-45. Winter. P. 513-522.

ский народ живет в условиях большей экономической демократии. Уильям Х. Чемберлин — журналист, проживший значительную часть 30-х годов в Советском Союзе, — предупреждал тех, кто ожидал в будущем демократизации Советского государства, что тоталитарные системы не демонтируют себя сами. Вся политическая деятельность Сталина, писал Чемберлин, «была посвящена тщательному уничтожению тех ограниченных элементов демократии и свободы самовыражения личности, которые существовали в Коммунистической партии в первые годы советского режима». Свободная Россия никогда не будет ассоциироваться с именем Сталина¹⁷.

В силу различных причин — особенно в связи с конфликтом из-за того, какой станет после войны Польша, и слухами о том, что либо англо-американская, либо советская сторона может пойти на заключение сепаратного мира, — весной и летом 1944 г. все более и более стали заметны трещины, возникавшие в антигитлеровской коалиции. Йохим Йостен, член редакционной коллегии журнала «Нэйшн», пытался объяснить, что СССР все еще стремится сохранить с союзниками дружеские отношения и честно вести переговоры. У Сталина и его окружения весьма своеобразное чувство юмора, утверждал Йостен: «...обладая простоватыми и несколько мальчишескими манерами, русские обожают устраивать розыгрыши и грубовато шутить со своими достойными союзниками». Приемы «финской бани» — внезапные переходы от теплого и дружеского к недружелюбному поведению — основа советской дипломатии. Американцам следовало бы быть мудрыми и относиться «к их розыгрышам с добродушным юмором и безразличием»¹⁸.

Пожалуй, лучший очерк, посвященный личности Сталина, из написанных во время войны, появился летом 1944 г. не где-нибудь, а в журнале «Америкэн мэгэзин» — обычно весьма консервативном ежемесячном издании, рассчитанном на людей со средним уровнем доходов и весьма скромных в интеллектуальном отношении, который доставлялся примерно двум миллионам подписчиков. Предпринять попытку объяснить американцам, что же представляет собой «г-н Сталь», и сделать это в период растущих опасений в связи с намерениями Сталина, особенно в отношении Восточной Европы, решила журналистка Биверли Смит.

Ни один американец, отмечала она, никогда не жил такой жизнью, какая выпала Сталину. С девятнадцати лет — с того дня, когда он стал профессиональным революционером, на протяжении гражданской войны и иностранной интервенции, ведя борьбу за власть после смерти Ленина, занимаясь коллективиза-

¹⁷ Eastman M. To Collaborate Successfully We Must Face the Facts About Russia // Reader's Digest. 1943. July. P. 3-4; Pope A. U., Chamberlin W. H. Can Stalin's Russia Go Democratic? // American Mercury. 1944. Febr. P. 147-148.

¹⁸ Joesten J. Why Stalin Acts That Way // Nation. 1944. Apr. 1. P. 389-390.

цией экономики, проводя чистки и руководя всей страной в годы внешней войны, — Сталин постоянно жил, «чувствуя за спиной дыхание смерти». Много лет назад он осознал, что «словность, коварство, скрытность и подозрительность являются платой за выживание». Будучи по природе жестоким, он избегал громких речей и угроз: не являясь оратором, он умел отлично убеждать собеседника в разговоре с глазу на глаз. Обладая откровенными и не рассчитанными произвести эффект на собеседников манерами, он мог сердечно улыбаться и искренне, «обезоруживающе смеяться». Однако он точно так же мог внезапно и пугающе сделать лицо непроницаемым, а голос — ледяным и гневным, повергавшим в страх тех русских, которые хорошо знали его». Не являясь ни святым, ни дьяволом, Сталин был упорным реалистом, на которого не производили впечатления ни лесть, ни идеализм, ни напоминание о прежних услугах, и реагировавшим лишь на силу и железную логику. Ввиду того что в этом тесном мире американцам предстояло сосуществовать со Сталиным, пришла к заключению Смит, было бы неплохо, если бы они научились понимать его ¹⁹.

Образ Сталина, созданный Биверли Смит, не был похож на то изображение «Дяди Джо», которое столь часто предлагалось американским читателям и зрителям в предшествовавший период войны. По мере ослабления антигитлеровской коалиции на протяжении последнего года борьбы с Германией постепенно выцветал и образ «Дяди Джо». Уже к началу 1945 г. в статьях, посвященных Сталину, все приятные «дядюшкины» черты почти исчезли — теперь акцент делался на его железной воле, наполненной борьбой биографии, на его абсолютной власти над советской государственной системой. Даже такой «попутчик» *, как Эдгар Сноу, в опубликованных журналом «Сэтерди ивнинг пост» очерках о Сталине и других ведущих фигурах в советской иерархии не смог предложить читателям о нем ничего такого, что вызвало бы у них симпатию ²⁰. По мере исчезновения «Дяди Джо» к выходу на центральную сцену готовился мрачный, безжалостный тиран, каким будут видеть Сталина американцы на протяжении начального этапа «холодной войны».

Что же касалось самого Сталина, то, как об этом писал в вышедших после войны мемуарах Черчилль, ему не нравилось, когда его называли «Дядей Джо». В начале 1945 г., во время

¹⁹ *Smith B.* Mr. Steel, A Man You Ought to Know // *American Magazine*. 1944. July. P. 20–21, 101–102.

* Часто употреблявшееся в СССР в 20-х годах определение советских писателей, не входивших в одну из пролетарских писательских ассоциаций (РАПП и др.), широко применявшееся в американской прессе и публицистике военных и предвоенных лет для обозначения представителей интеллигенции, выражавших симпатии к СССР и коммунизму (Примеч. переводчика.)

²⁰ *Snow E.* Strong Men Around Stalin // *Saturday Evening Post*. 1945. Mar. 24. P. 12–12 ff; *Sulzberger C. L.* Three Who Shaped the Future // *New York Times Magazine*. 1945. Febr. 4. P. 9f.

работы Ялтинской конференции, Рузвельт в присущей ему обезоруживающей манере заметил в разговоре со Сталиным, что и он, и Черчилль часто употребляли это прозвище, говоря о советском руководителе. Рассерженный Сталин пожелал узнать: «Когда же я смогу покинуть этот стол?» Внезапно возникшее напряжение разрядил будущий государственный секретарь Дж. Ф. Бирнс, заметивший: «Но ведь Вы ничего не имеете против того, чтобы говорить о „Дяде Сэме“, так чем же плох будет „Дядя Джо“?» Аналогия была не совсем удачна, но, похоже, она удовлетворила Сталина. Позже Молотов заверил Черчилля в том, что Сталин знал, что многие на Западе называли его «Дядя Джо», и понимал, что шутка Рузвельта была дружеской и душевной²¹. Может, это было так, а может, и нет. В любом случае, к тому времени, когда Великая коалиция выполнила свое предназначение и сокрушила гитлеровскую Германию, образ «Дяди Джо» в общем уже утратил свою привлекательность.

Каким образом Сталин, повсеместно воспринимаемый в предвоенных Соединенных Штатах как жестокий деспот, циничный партнер Гитлера, человек, отдавший приказ бомбить Хельсинки, человек, непосредственно ответственный за смерть миллионов представителей своего собственного народа, превратился после 22 июня 1941 г. в добродушного, курящего трубку «Дядю Джо»? Наиболее очевидным, главным объяснением этого феномена является, конечно, само существование антигитлеровской коалиции. Одно из немногих обобщений, касающихся сущности людей, заключается, пожалуй, в том, что им необходимо верить не только в то, за что они воюют, но и в тех союзников, с которыми они ведут совместную борьбу.

Поощряемая в этом направлении администрацией Рузвельта большая часть американских средств массовой информации, так же как и кинематографисты в Голливуде, с энтузиазмом стремились придать Сталину человеческие черты и превратить его и советский народ в таких союзников, в которых американцам хотелось верить. Что же касалось их отношения к предвоенной истории, то в целом им хотелось верить в то, что Сталин был безжалостным потому, что ему приходилось быть таким. Коллективизация, проведенная в 30-х годах, создала промышленный потенциал, обеспечивший возможность вести войну. Чистки избавили СССР от тех пораженцев и предателей, которые свели на нет мощь и стремление к сопротивлению в других странах, подвергшихся нападению нацистов. Пакт, заключенный Советским Союзом с нацистами, позволил выиграть время для подготовки к отражению нападения немцев. «Методы, использованные Сталиным, были жесткими,— отмечалось в комментарии, опубликованном журналом „Тайм“,— но они себя оправдали»²².

²¹ Churchill W. S. Triumph and Tragedy. Boston, 1953. P. 393.

²² Time, 1943. Jan. 4. P. 23.

Международный политический климат, возникший в годы войны, был весьма благоприятен для реабилитации образа Сталина. Если пакт, заключенный между СССР и нацистской Германией сокрушил Народный фронт, сформировавшийся в конце 30-х годов, то вторжение немцев в Россию сделало возможным быстрое образование второго Народного фронта. В годы войны создалась самая благоприятная обстановка, в какой когда-либо действовала Коммунистическая партия Соединенных Штатов. Компартия США принимала участие в военных усилиях страны столь же ревностно, сколь это делали все остальные американцы, а зачастую ее участие было и более активным. Дух Народного фронта господствовал в этот период в публикациях не только таких либеральных изданий, какими были «Нэйшн», «Нью Рипаблик» и «Каммон сенс», но также и на страницах ранее весьма враждебных к нему и неизмеримо более популярных среди читателей еженедельников и ежемесячных журналов, в том числе «Тайм», «Лайф», «Ньюсуик», «Сэтерди ивнинг пост», «Бизнес уик», «Америкэн мэгэзин» и т. п. В той или иной степени дух Народного фронта повлиял и на многочисленные фильмы, выпущенные в годы войны в Голливуде.

То, что Красная Армия убивала больше немцев, нежели любая другая, и тем самым спасала жизнь огромному числу американцев, естественно породило в них — если говорить об американской общественности в целом — чувство глубокой благодарности и расположения к Советскому Союзу, его народам и его руководству. Когда осенью 1943 г. делегация американских матерей, отмеченных знаком Золотой Звезды*, вручала секретарю советского консульства в Нью-Йорке мемориальный знак в ознаменование признательности, испытываемой американками к Красной Армии «за ее великолепные боевые свершения», этот жест был проявлением тех чувств, которые испытывало в этот период, без сомнения, большинство граждан Соединенных Штатов²³. Это доброе чувство, однако, владело американской общественностью лишь до тех пор, пока существовал общий враг. Образ «Дяди Джо» оказался гораздо менее жизнеспособным.

* Почетный знак Золотой Звезды вручается в США матерям, потерявшим в годы войны своих сыновей. (Примеч. переводчика.)

²³ Willen P. Who Collaborated With Russia? // Antioch Review. 1954. Sept. P. 277.